

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Человеческие поселения, как и люди, имеют свою судьбу, свою биографию, которые бывают счастливыми и несчастными, в них взлёты перемежаются с падениями. Только люди умирают однажды и навсегда, а исчезнувшее селение может возродиться. Примером может стать биография посёлка Николаевка, в Елизовском районе, возникшего на месте исчезнувшего Паратунского острожка — древнего поселения ительменов. Коренные народы Камчатки не оставили после себя памятников архитектуры и значительных памятников материальной культуры. Их поселения растворились во времени, в отличие от греков, египтян, инков, оставивших миру нетленные памятники древних цивилизаций — грандиозные храмы, пирамиды, скульптурные изображения богов, правителей и своих современников. Народы Севера донесли до нас, передали потомкам опыт выживания в условиях Севера. Они не покоряли природу, они жили в согласии с её законами и поэтому этот их опыт, их материальная и духовная культура бесценны.

Паратунский острожек известен по описанию Степана Петровича Крашенинникова, посетившего, в одном из своих путешествий по Камчатке в 1740 году, еще безымянное поселение, которое строил Иван Елагин для зимовки второй Камчатской экспедиции. Крашенинников в дневнике упоминает реку Купка (Быстрая), «в которую впадает, в 4-х верстах от устья, знатная река Паратун, а на ней стоит острожек того же имени» и, далее, Крашенинников сообщает: «Строения в нём 3 избы, из которых две новокрещённых иноземца, а одна служилого человека; одна юрта жилая, две пусты. Ясашных иноземцев 16 человек, из которых 5 собольников, 10 лисишников, один тойон кошлака (калана) платит. Тойон назвался Пётр, а прежде крещения назывался Карымча. Немного повыше того острожка, на реке Купка, остров есть, на котором во время великого бунта, в 1731 году, тамошние жители имели укрепление и «сидели» в нём с полтораста человек, но оно в 1732 году было побито, живыми остались только те, кто вышел из осаждённого острожка».

Для ведения учёта ясака казаки (ясашные сборщики) записывали в ясашные книги всех плательщиков, а острожек, не имевший имени, называли по имени старейшины рода — тойона. Так появились на карте Камчатки Паратун, Начикин, Налачев, Пиначев и другие острожки. Места

для поселения рода были не случайными, они выбирались основателями с учётом наличия леса, питьевой воды, близости нерестовой реки, охотничьих угодий и дикоросов, защищённости от нападения неприятеля, в отдалении от огнедышащих гор и горячих ключей. Последние считались источником опасности, так как их, по представлениям обитателей Камчатки — коряков и ительменов — населяли злобные духи «нижнего мира» — нинвиты (корякский), канау (ительменский). С учётом всех этих условий местоположение Паратунского острога было идеальным. Особое значение имело то, что все окрестные реки — большие и малые — были рыбными. В них на нерест заходили: чавыча, нерка, веснянка и летняя, кета и горбуша, в изобилии водились голец и микижа, в устье рек, впадающих в бухту, заходила на нерест корюшка, неподалёку, на ключах, нерестился осенний кижуч. (Ключи эти в конце 18 века назывались Батуринскими, а с появлением поселения Николаевское, основанного на месте канувшего в лету Паратунского острога первым Камчатским губернатором В.С. Завойко, стали называться Николаевскими). Примечательны эти ключи тем, что подрусловые воды, протекающей через них реки Тихой, и сами ключевые выходы имеют температуру воды зимой около + 5 градусов и, именно поэтому, облюбовал их для нереста самый теплолюбивый, нерестящийся глубокой осенью зимний кижуч. Обилие рыбы в реках, дичи в окрестных лесах и на долах, делали жизнь людей на протяжении тысячелетий достаточно безбедной, но неспокойной. Природные катаклизмы сотрясали Камчатку — извергались вулканы, волнами ходила под ногами земля, многометровые волны цунами обрушивались на побережье. Описание одного такого эпизода, сделанного со слов очевидцев С.П. Крашенинниковым, мы находим в его научных отчётах: в 1737 году одновременно произошло: очень сильное извержение Авачинского вулкана, сильнейшее землетрясение (по описанным признакам, учёные — наши современники — оценили его в 10 баллов по шкале Рихтера) и цунами, при котором высота волны достигала десятков метров. В 1828 году, по сведениям старожилов Старого острога, при извержении Авачинского вулкана произошёл пожар, от которого выгорели леса по долинам р.р. Авача и Паратунка и звери ушли к Ганальским вострякам и к Камчатской вершине (вулкан Бакенинг). В долинах здешних рек росли тополь и чозения (ива корейка, ветла), которые по размерам своим го-

дились для изготовления ба- тов — долблёных лодок для передвижения и перевозки грузов летом.

Возраст острожков, расположенных в окрестностях Авачинской бухты, определён в 3 — 5 тысяч лет. Именно к этому времени сложились благоприятные условия для проживания древних ительменов на юго-восточном побережье Камчатки. Прекратились мощные всплески очагов древнего вулканизма, сформировались русла и устья рек — в них стала заходить на нерест рыба, побережье заселили ластвоногие, потеплел климат, каменная берёза Эрмана прочно обосновалась по восточному побережью. Археологи отмечают, что бывали периоды, когда люди надолго покидали места поселений из-за усиления вулканической деятельности. Это случалось и 3,5 тыс. лет назад при катастрофическом извержении Авачинского вулкана, и при извержениях вулкана Ксудач, пеплы которого не однажды покрывали всю юго-восточную часть Камчатки.

Русские появились на берегах Авачинской губы в 1703 году. Это были казаки под началом Родиона Преснецова. Отряд из 22 человек, направленный на восточное побережье с целью обложить налогом неясашное население, обнаружил на берегах бухты несколько поселений ительменов рода суаачу-ай, незнакомых с русскими. Камчадалы безропотно отдали сборщикам пушную дань шкурками соболей, лис, каланов. В следующий приход сборщики пушны не получили — ительмены отказались платить дань. Поход ясашных сборщиков под руководством Даниила Анциферова в 1712 году закончился для них трагично. Ительмены согласились отдать ясак, поселили казаков в хорошее зимнее жилище вместе с аманатами — заложниками из числа «лучших» людей рода, а ночью заколотили входы и подожгли юрту вместе с аманатами, которые криками поощряли сородичей на поджог. В 1713 году Иван Енисейский, бывший тогда приказчиком на Камчатке, лично привёл на Авачу отряд из 120 казаков и 150 ясашных камчадалов для усмирения непокорных авачинцев. Мятежные острожки были сожжены, живыми остались только те из ительменов, кто вышел из осаждённых острожков добровольно.

С 1711 по 1732 годы Камчатку сотрясали бунты, вызванные непосильными и неправомерными поборами, жестокостью и несправедливостью некоторых приказчиков и рядовых казаков, обманами при обменных и торговых операциях. Недовольство вызывала и «гужевая повинность» — обязанность, возложенная на коренное население в любое время года обеспечивать перевозки грузов и служилых людей. Случалось, что во время хода рыбы в селениях не оставалось трудоспособных мужчин, лодок, собак, и тогда неминуемо приходил голод. Архивные документы рассказывают об одном из таких восстаний. В 1732 году, во время большого Камчатского бунта Авачинский тойон

Отряд Штинникова под острог пришел в первых числах мая, ранним утром. Восставшие по весенней распутице казаков не ждали и большая часть жителей ушла на рыбный промысел. В острожке осталось 70 человек. Казаки на остров переместились, санками огорожились и под прикрытием оружейного огня подожгли острог. В разгромленном острожке оказалось всего семь раненых, а остальные покончили с собой, чтобы не быть пленными. Бывшие на рыбном промысле ушли на устье реки Авача на опрыдыш — отдельной стоящую на местности вершинку высотой около 70 метров, на которой стоял укрепленный острог. Осада длилась 6 дней. Осаждали на пароме. Осажденные сдались от голода и жажды. Штинников казнил зачинщиков — братьев Каначей и Вахлыча. Других участников бунта выпорол батогами и отпустил. С тех пор измен не было.

К моменту появления Петропавловской гавани, по-видимому, Паратунский был самым крупным острогом на берегах Авачинской бухты и этим можно объяснить строительство часовни в острожке участниками Второй Камчатской экспедиции в 1741 году. К этому году на Камчатке были построены три церкви: в Нижнекамчатском, Большерецком и Верхнекамчатском острогах. Четвёртой стала церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, которая была дарована Берингом, с согласия офицеров экспедиции с пакетбота Святой Павел, новому поселению, наречённому руководителем экспедиции Гаванью Святых Апостолов Петра и Павла. Освящал вновь построенные церкви и часовню, справлял службы единственный на Камчатке священник из Нижнего острога Ермолай. Население Паратунского острожка было крещённым. Витус Беринг через охотского командира Девиера известил иркутского епископа Иннокентия о том, что крестить и учить детей камчадалов некому. Епископ решает проблему быстро, и в 1743 году во все Камчатские церкви были назначены священники. После завершения Второй Камчатской экспедиции в 1743 году в Гавани Св. Апостолов Петра и Павла остались около десятка служилых людей для охраны экспедиционного снаряжения, при церкви остался священник Михаил Волков, а местные жители разбрелись по рекам. К 1766 году службы в гаванской Богородичной церкви прекратились из-за ветхости помещения и отсутствия прихожан. Синод принял решение перенести церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы из Петропавловской гавани в часовню Паратунского острожка, построив к ней алтарь. Новая церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы была освящена 8 апреля 1766 года. В 1769 году в Паратунском остроге проживали 360 человек.

В апреле 1779 году Петропавловскую гавань посетили корабли Третьей кругосветной экспедиции Джеймса Кука. Экспедицию к тому времени возглавлял заменивший погибшего на Сандвичевых островах Кука капитан Чарльз Кларк. Участники экспедиции оставили дневниковые записи о своём пребывании на Камчатке и о посещении Паратунского острога во время путешествия в Большерецкий ост-

Иллюстрации из книги С.П. Крашенинникова "Описание земли Камчатки"

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Окончание, начало на стр. 12

рог по приглашению начальника Камчатки майора Магнуса фон Бема. Помощник хирурга экспедиции Кука Д. Самвелл писал в своём дневнике, что в деревне Паратунка, куда они прибыли, чтобы нанять баты и батовщиков для переезда по реке Авача в Старый острог, жил знакомый им священник Роман Фёдорович Верещагин. Этот человек держал коров и ежедневно возил молоко для больного капитана Чарльза Кларка. На этой почве между ними завязались добрые отношения, и Кларк пригласил посетить свой парусник «Дискавери» всё семейство Верещагиных. (Осенью того же года суда экспедиции зашли в Петропавловский порт, чтобы похоронить умершего капитана Чарльза Кларка и английские офицеры пригласили Романа Верещагина на церемонию погребения). Далее Самвелл сообщает: «Деревня Паратунка расположена на берегу реки того же названия, примерно в 20 милях от гавани св. Петра и Павла. Там есть церковь, шесть русских домов, 16 камчадалских балаганов и несколько юрт, врытых наполовину в землю. Церковь построена Берингом, она деревянная, с куполом наверху, очень ветхая и запущенная. Её украшают много икон и среди них иконы с изображением св. Петра и св. Павла. Под навесом у церкви подвешены четыре небольших колокола. Кроме священника в деревне живёт ещё один русский – служба священника. Недалеко находятся развалины большой деревни (так в тексте). В 1769 году жители её погибли от оспы и от большого селения в живых остались всего 40 человек».

В 1787 году в Петропавловскую гавань заходит вторая иностранная экспедиция – это была Четвёртая кругосветная экспедиция французского мореплавателя Жана Франсуа графа Галла де Лаперуза. Совершая путешествия по окрестностям Авачинской губы, Лаперуз посетил и Па-

ратунский острог. Священником в Паратунской церкви был в ту пору брат Романа Верещагина – Фёдор. Просвещённый европеец простоту нрава камчадала-священника расценил как невежество и в почте, отправленной со своим курьером Лессепсом, выразил нелицеприятный отзыв

Жан-Франсуа Лаперуз

обо всех камчатских священниках. Свои впечатления, собранные во время поездки через весь полуостров, добавил и Лессепс, высказавший мысль о необходимости замены священников на высокообразованных священнослужителей. В результате отец Фёдор был уволен. В кратчайшие сроки Иркутской епархией, по предложению иркутского губернатора Трескина, была проведена кадровая реформа. На Камчатку стали присылать свя-

щенников из Иркутска. В 1800 году Богородичная церковь вновь была перенесена в Петропавловскую гавань, и только к 1810-му приступили к восстановлению здания храма, которое освятили в 1814 году. В завершение реформы, в апреле 1816 года, в Петропавловском порту от-

крыто двухклассное духовное училище.

В конце 70-х годов 18 века на Камчатке стали распространяться инфекционные заболевания – оспа, дизентерия, венерические болезни, проказа, очень скоро принявшие форму эпидемий. В 1768-1769 годах по Камчатке прокатилось «оспенное поветрие». Оспа, завезённая из Охотска, свирепствовала с сентября по март по всему краю – от Курильских островов до Ледовитого океана. В ведомости, представленной правительству, названа цифра умерших – 5368 человек, это больше половины крещёного населения края. Эпидемия опустошила и острожки вокруг Авачинской бухты. В опустевшие селения были переселены ительмены с западного и восточного побережий, из долины реки Камчатки.

Жизнь в многострадальном острожке налаживалась. Но новое бедствие постигло Камчатку. Осенью 1799 года в Петропавловскую гавань из Охотска прибыли 600 солдат отряда генерал-майора Сомова. Размещённые на двух небольших судах, в тесноте, холоде и сырости, солдаты начали болеть еще в пути и, по мере расселения их по населённым пунктам, разносили заразу по краю. Камчатку охватила новая эпидемия, получившая название «сомово поветрие». Источники не называют

болезнь, но, вероятнее всего, это была дизентерия, унесшая жизни ещё около 2000 человек. Кроме того, именно в этот период времени на Камчатке распространился сифилис, ставший наследственным среди местного населения. Окончательно обезлюдивший Паратунский острог пытается возродить Аркадий Васильевич Голенищев, бывший с 1816 по 1828 год помощником начальника, а с 1828 по 1836 год начальником Камчатки. В двух маленьких деревушках Тихой и Орловке, образовавшихся на месте Паратунского острога, где кроме ительменов были поселены отставные служилые люди – казаки и солдаты, Голенищев организовал сельскохозяйственную ферму. Для развития скотоводства из Якутии были доставлены семьи якутов со скотом, чтобы приобщить местных жителей к этому, незнакомому им, роду занятий. К несчастью для многострадального населения, среди приезжих якутов оказались больные лепрой (проказой), на многие годы ставшей проклятием для людей. И хотя якуты были поселены поодаль – на Молочном ключе, зараза распространилась. По существующим тогда порядкам, больных должно было содержать «общество», т.е. жители селения заготавливали для них рыбу, дрова, строили жилища. С годами число больных увеличивалось и немногочисленному обществу стало непосильным содержание прокажённых. В 1823 году А.В. Голенищевым была основана сельскохозяйственная ферма на реке Микижа, где он, кроме хозяйственных построек и теплиц, разбил парк и возвёл красивый загородный дом. В деревню Микижа и на горячие ключи были переселены здоровые жители из Тихой и Орловки, больных же отселили на озёра - Ближнее и Дальнее. Постройки в брошенных деревнях сожгли и запахали пожарища. Горячие ключи были названы в память об исчезнувшем селении Паратунскими.

Следующая страница истории связана с селением Николаевское, основанном на месте Паратунского острога в 1841 году первым Камчатским губернатором Василием Степановичем Завойко.

М. Ворошилова
(Продолжение следует)